

Мистюк Татьяна Леонидовна

ЭЛЕМЕНТЫ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В СОВРЕМЕННОМ ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

В предлагаемой статье рассматриваются содержание и функции актуального в настоящее время явления речевой агрессии, уточняются языковые средства, при помощи которых она реализуется в печатных СМИ, а также характеризуются конкретные лексические единицы, используемые в качестве элементов речевой агрессии в тексте статьи газеты "Континент Сибирь", производится их краткий лексико-семантический и стилистический анализ.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/1-2/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. II. С. 160-164. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'1

Филологические науки

В предлагаемой статье рассматриваются содержание и функции актуального в настоящее время явления речевой агрессии, уточняются языковые средства, при помощи которых она реализуется в печатных СМИ, а также характеризуются конкретные лексические единицы, используемые в качестве элементов речевой агрессии в тексте статьи газеты «Континент Сибирь», производится их краткий лексико-семантический и стилистический анализ.

Ключевые слова и фразы: речевая агрессия; инвективная лексика; косвенная речевая агрессия; колкость; насмешка; жаргонизмы; просторечие.

Мистюк Татьяна Леонидовна, к. филол. н.
Новосибирский государственный технический университет
bakatuha@mail.ru

ЭЛЕМЕНТЫ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В СОВРЕМЕННОМ ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ[©]

В настоящее время общественная жизнь практически невозможна без широкого использования в ней средств масс-медиа, к которым принято относить прессу, телевидение и кино; они рассматриваются сегодня в качестве не только информационных и развлекательных, но и формирующих общественное мнение источников. «Тенденция к международной глобализации, интеграции в более крупные социально-экономические и политические сообщества и объединения, с одной стороны, и стремление сохранить национальную идентичность и уникальность, с другой стороны, оказывают воздействие на людей, – пишет В. К. Сквиря. – В СМИ широко обсуждаются политические перевороты и дебаты, смены социально-экономических формаций, <...> природные явления и стихийные бедствия, спортивные достижения и т.п.» [7, с. 165]. В современных условиях становится возможной и обратная связь – влияние на СМИ со стороны их аудитории – читателей, слушателей, зрителей, выражение и аргументация их собственных мнений и позиций по ряду обсуждаемых вопросов и проблем.

Специфика речевого воздействия на общественную жизнь со стороны современных печатных и электронных СМИ в течение последних десятилетий является объектом научного исследования с учетом всех возможных факторов – как собственно языковых, так и экстралингвистических. Так, в частности, известный исследователь языка современных масс-медиа Т. В. Чернышова дифференцирует подобное речевое воздействие на некооперативное, т.е. направленное на срыв идеально прозрачного обмена информацией («коммуникативный саботаж»), манипулятивное (суггестивное) – скрыто воздействующее на сознание собеседника и игнорирующее его волю, и кооперативно-актуализаторское как высшую форму речевого воздействия, ведущую к эффективной коммуникации. Как отмечает автор, функция регулирования, контроля и манипулирования сознанием реципиента в данной ситуации обеспечивает создание особого аудиовизуального мира, который волюно или невольно воздействует на каждого человека, и это обуславливает особую ответственность СМИ перед обществом [9, с. 9]. Помимо этого, Т. В. Чернышова, отмечая особенности именно газетных СМИ, говорит об изменениях в их основной – информативной – функции, которые обусловлены тем, что в сравнении с «непечатными» СМИ, первыми информирующими об общественно значимых событиях, прессе сегодня отводится особая роль – интерпретировать произошедшие события с учетом соответствующих критериев и установок и давать им определенную оценку. Другая особенность современной газетной публицистики – активное влияние на формирование и эволюцию массового общественного сознания, что обуславливает его нормальное функционирование и осуществляет регулирование общественного мнения [Там же].

Язык газет на современном этапе характеризуется сочетанием контрастных стилистических элементов, смешением стилистических пропорций, стремлением выработать новые средства образности [3, с. 82]. В связи с этим в текстах публикаций печатных СМИ периодически используются элементы речевой агрессии. Степень её активности зависит от ряда объективных и чаще, на наш взгляд, субъективных факторов. «Современный человек погружен не только в информационную, но и в эмоциональную среду, во многом формируемую средствами массовой коммуникации, – пишет в этой связи Е. В. Власова. – Наше настроение в значительной степени определяется как тематикой, так и стилистикой газетных, журнальных, теле- и радиоматериалов. Понимание законов деструктивного воздействия текстов средств массовой коммуникации необходимо для очищения коммуникативного пространства, окружающего нас, от враждебности и непонимания» [1, с. 5].

Цель предлагаемой работы – показать, как элементы речевой агрессии в современном газетном тексте помогают автору выразить собственную позицию: интерпретировать информацию с учетом соответствующих критериев, дать им определенную оценку, реализовать функцию воздействия не только на сознание, но и на эмоциональную сферу массового читателя как одну из основных в публицистике. Это обусловило постановку следующих задач: а) уточнить современную интерпретацию понятия речевой агрессии; б) показать, какими языковыми средствами и с какой целью она может быть реализована на страницах современной газетной публицистики; в) показать на материале языка конкретной газетной статьи, как используемые в ней элементы косвенной речевой агрессии позволяют автору публикации дать оценку изложенной информации и оказать определенное эмоциональное воздействие на читательскую аудиторию.

Дефиниции термина «речевая агрессия» в современной лингвистической литературе по своему содержанию различаются несущественно. Так, например, в учебнике для вузов «Русский язык и культура речи» читаем: «Речевая агрессия в современной газетной прессе понимается как форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [5, с. 132]. К. Ф. Седов, глубоко исследовавший феномен речевой агрессии, определяет её как «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (страх, фрустрацию и т.п.) у объекта речевого воздействия» [6, с. 200]. Таким образом, если обобщить ряд дефинитивных формулировок рассматриваемого термина, то можно трактовать его как особую форму речевого воздействия на адресата, используемую для нанесения ему оскорбления, вреда и т.п., с целью вызвать у него негативное психологическое состояние и вследствие этого принудить к каким-либо действиям.

К феномену речевой агрессии в современной лингвистической литературе осуществляется подход с позиций разных научных направлений: его исследуют филологи, психологи, психолингвисты, философы и другие специалисты, что обуславливает создание ряда её типологий; так, в частности, это явление языка классифицируют по таким основаниям, как интенсивность проявления, степень осознанности субъекта, характер выраженности либо направленности агрессии, количество участников ситуации общения и др. Например, Ю. В. Щербинина рассматривает виды речевой агрессии по интенсивности в форме бинарных оппозиций: а) слабые, стертые; б) сильные. К сильным формам агрессии она относит брань, ругань, порицание, грубое требование, крик. Сюда же она включает враждебные замечания, язвительные насмешки, веские угрозы, а также очень грубый отказ, не прямое оскорбление, косвенное осуждение [10, с. 103]. По характеру и способу выраженности автор выделяет явную (открытую) и скрытую (неявную) агрессии: первая соответствует плану выражения в пределах одного агрессивного высказывания, к которому относятся явная угроза, намеренное оскорбление, грубое требование, отказ, замечание-порицание, а вторая реализуется во враждебных намеках, иронических замечаниях, скрытых угрозах, либо в виде сплетен или доносов [Там же, с. 106-108]. По отношению к объекту автор говорит о переходной и непереходной речевой агрессии; переходная направлена на одного реального участника речевой ситуации, а непереходная проявляется в тех случаях, когда человек бездоказательно осуждает «жизнь вообще», давая негативную оценку как бы всему окружающему миру [Там же, с. 109]. К. Ф. Седов выделяет ряд бинарных оппозиций в соответствии с проявлением речевой агрессии: вербальную и невербальную, прямую и косвенную, инструментальную и неинструментальную, инициативную и неинициативную, активную и пассивную, непосредственную и опосредованную, спонтанную и подготовленную, эмоциональную и рациональную, сильную и слабую, враждебную и невраждебную. По его утверждению, в реальных дискурсах речевая агрессия проявляется в виде речевых тактик, среди которых он выделяет: оскорбление (инвективу), угрозу, обвинение, проклятье, злопожелание, констатацию некомпетентности, возмущение, насмешку, колкость, упрек, демонстрацию обиды, грубое прекращение коммуникативного контакта, отсыл и угрожающее молчание [6, с. 209]. Можно привести примеры и других подобных классификаций, что только подтвердит многообразие оснований для их создания.

По мнению Е. В. Власовой, главным коммуникативным пространством, в котором реализуется речевая агрессия, являются именно печатные СМИ. Эта сфера не является исключительной для использования элементов речевой агрессии, однако, «по количеству единовременных реципиентов определенного речевого воздействия она существенно опережает другие области функционирования информации» [1, с. 27].

Если говорить о средствах языка, выполняющих функцию речевой агрессии и реализуемых в газетных текстах, прежде всего следует назвать инвективную лексику. Понятие инвективы трактуется как «резкое выступление против кого-либо или чего-либо, обличение; оскорбительная речь» [8, с. 233]. В данной функции, как правило, выступают: а) слова, именующие социально осуждаемую деятельность (жулик); б) пейоративная лексика (двурушник); в) наименования профессий в метафорической функции (мясник); г) наименования животных в метафорической функции (свинья); д) глаголы с «осуждающей» семантикой (хапнуть); е) эвфемизмы для слов с семантикой антиобщественной деятельности (женщина легкого поведения); ж) каламбуры с оскорбляющей функцией (прихватизация), а также очевидная клевета и сплетни о ком-либо [5, с. 132-133]. К наиболее сниженным элементам языка, также используемым в подобной функции, можно отнести жаргонизмы, просторечие, литературную лексику, выражающую негативную оценку, а также вульгаризмы и даже единицы русского мата, представляющие собой такую лексику, публичное употребление которой, согласно нравственно-этическим нормам конкретного языкового коллектива, требует либо запрета, либо существенного ограничения.

В современной газете, учитывая её широкую аудиторию и в связи с этим установку на доходчивость и преимущественно книжный характер изложения, авторы публикаций используют в первую очередь такие средства речевой агрессии, которые создают ироничные образы. Как правило, ирония реализуется в тактиках именно косвенной речевой агрессии. «Прямая речевая агрессия – результат коммуникативного акта, иллюция которого содержит открытую, очевидную враждебность, – пишет Е. В. Власова. – Это такие проявления речевой агрессии как оскорбление, угрозы, злопожелания» [4, с. 22]. Косвенная речевая агрессия связана с не прямой коммуникацией как содержательно осложненной, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, при этом требуются дополнительные интерпретативные усилия со стороны адресата [Там же]. Этот же автор рассматривает в качестве наиболее частотных тактик косвенной речевой агрессии насмешку, колкость, возмущение и некоторые другие. Колкость толкуется как «колкая насмешка, язвительное замечание» [Там же, с. 230], основная функция которой – оказать негативное психологическое воздействие на оппонента. По своей семантике она сближается с насмешкой

(что и отражено в толковании), реализация которой предполагает язвительные, резкие сравнения, а также характеристики, содержащие не прямое оскорбление и элементы злорадства [1]. Тактика возмущения, как правило, преобладает при оценке либо характеристике каких-либо общественных или политических реалий. Конкретные элементы косвенной речевой агрессии реализуются в текстах печатных СМИ для достижения определенной иллюкативной цели, которая предполагает, как правило, негативное психологическое воздействие (вплоть до речевой манипуляции) на сознание и поведение адресата.

Нашей задачей в практическом аспекте данной работы стала фиксация словесных единиц, употребляемых в современном газетном тексте в качестве средств речевой агрессии, и их краткий контекстуальный лексико-семантический и стилистический анализ. Нами избраны языковые единицы в данной функции, зафиксированные в статье И. Аристов, озаглавленной «Рогозин снова увидел Чубайса», опубликованной в газете «Континент Сибирь» № 45 за ноябрь 2013 года (далее «КС») в рубрике «Авторская колонка» [2]. Следует заметить, что именно в ней периодически публикуются материалы, отражающие различные авторские (в том числе достаточно субъективные) точки зрения и аргументы, что говорит об определенной степени «раскрепощенности» языка подобных публикаций. В избранной нами статье речь идет о посещении автором пленарного заседания научно-технического форума «Технопром», проведенного в г. Новосибирске в связи с реформой РАН, которая вызвала, как известно, огромный общественный резонанс и получила негативную в целом оценку со стороны как самих российских ученых, так и тех, кто не имеет прямого отношения к научной деятельности, но кому небезразлична дальнейшая судьба отечественной науки. В своей публикации И. Аристов с помощью отдельных элементов речевой агрессии имплицитно и эксплицитно выражает именно такую оценку как самого мероприятия в целом, так и его организаторов и некоторых отдельных участников.

Ниже нами приводится краткий лексико-семантический и стилистический анализ соответствующих языковых единиц, которые, как мы полагаем, представляют собой элементы речевой агрессии. Представленные формулировки лексических значений анализируемых слов и словосочетаний либо цитируются по толковому словарю, что отражено в соответствующих ссылках, либо даются нами самостоятельно на основе макро- и микроконтекстов. В качестве базовой (рабочей) нами использована типология средств речевой агрессии К. Ф. Седова и Е. В. Власовой.

1. «Понятно, что мы отчасти прикальваемся» [Там же]. Глагол «прикальваться» в значении «шутить» - это современный жаргонизм, который по своей стилистической окраске является просторечным и, следовательно, не характерным для книжной речи. Однако уместность его реализации в данном публицистическом тексте обусловлена тем, что этот глагол используется в качестве элемента косвенной речевой агрессии, проявляющейся в тактике насмешки по отношению к сообщаемому факту: речь в данном фрагменте идет о том, что цели форума «Технопром», пафосно декларируемые его организаторами как весьма важные, на деле, по мнению И. Аристов, совершенно не достигнуты, и это стало очевидным для всех присутствующих, что и вызвало у них соответствующую эмоциональную реакцию.

2. «Послушай, говорю, но тогда должен быть составлен какой-то перечень “инновационных продуктов”, иначе под это дело будут впаривать всякую...» [Там же]. Глагол «впаривать» в значении «навязывать, заставлять принять что-либо против желания» также является просторечным по стилистической окраске и реализуется в газетной речи тактику возмущения в рамках косвенной речевой агрессии. Его можно квалифицировать и как экспрессивный глагол с «осуждающей» семантикой: здесь очевидно неодобрительное отношение к действию, выражаемому данным глаголом, и это позволяет часто использовать его в качестве элемента речевой агрессии как в разговорной, так и в книжной речи.

3. «Слушай, говорю, а каким вообще ветром задуло эту “торгово-закупочную” тематику под крышу “Шестого технологического уклада” как якобы устремления России и всего прогрессивного человечества? Не бред ли это?» [Там же]. Бред (разг.) – «нечто бессмысленное, вздорное, несвязное» [4, с. 50]. Автор выражает при помощи такого насмешливо-риторического вопроса своё возмущение и в связи с этим оценивает информацию как абсурдную, лишённую здравого смысла. Слово «бред» в пределах данной фразы можно квалифицировать как слабую инвективу, реализующую одновременно тактики и насмешки, и возмущения опять же в качестве элемента косвенной речевой агрессии. Фраза «каким ветром задуло» (откуда взялось?) также выражает неодобрительную оценку соответствующей информации и является элементом косвенной речевой агрессии, представленной тактикой колкости.

4. «Только щеки надуть, чтобы всеядные журналисты растиражировали две-три малопонятные фразы» [2]. Надуть щеки – исходя из контекста – «внешне изобразить важность, величие»; данное словосочетание можно квалифицировать как насмешливое со сниженной образностью; всеядный – «могущий есть всякую пищу» [4, с. 86]. Данная ироничная метафора реализована по отношению именно к таким журналистам, которые, по мнению автора, всегда готовы любую информацию выставить под любым, нужным кому-либо углом зрения; это пример пейоративной лексической единицы. Представленные выражения реализуют тактику колкости и насмешки в рамках косвенной речевой агрессии.

5. «Можно было бы по итогам обсуждения и в скобках добавить: “О привлечении заказчиков и разработчиков “реформы РАН” к уголовной ответственности”» [2]. Автор уверен в противоправности действий разработчиков реформы РАН и считает их преступными. Соответствующая формулировка, на наш взгляд, есть элемент прямой речевой агрессии, «смягченной» за счет формы условного наклонения.

6. «Множество персон местного политического калибра, первого и второго разрядов, а также закулисные мастера» [Там же]. Закулисный – «тайный, скрываемый» [4, с. 170]. Закулисные мастера – люди,

которые втайне от других, скрыто от посторонних глаз, вершат какие-либо нечистоплотные, однако выгодные кому-либо дела. *Калибр* (перен.) – так говорят «о форме, размере, качестве кого-чего-либо» (разг.); например, «люди разного калибра» [Там же, с. 213], *разряд* – это «то же, что и категория» [Там же, с. 533]. Данные высказывания выполняют в тексте функцию газетных метафор и представляют собой элементы пейоративной общественно-политической лексики, которые реализуют в данном фрагменте тактику колкости в рамках косвенной речевой агрессии.

7. *«Главное – в коротком общении не сказать ничего существенного, здесь это моветон».* «Вообще если начать говорить какую-то правду по сути данного *сборища*, это будет страшный *моветон* для гостей и участников форума» [2]. *Моветон* – «дурной тон, невоспитанность» [8, с. 388]. Иноязычное слово используется в качестве яркого средства, выражающего иронию, и реализует тактику насмешки в рамках косвенной речевой агрессии. *Сборище* (разг., неодобр.) – «собрание людей, толпа» [4, с. 570]. Слово имеет в своем содержании негативный оценочный компонент, что отражено в соответствующей стилистической помете; с его помощью автором выражена негативная оценка мероприятия в целом и реализуются частично тактики насмешки и возмущения в рамках косвенной речевой агрессии.

Итак, в тексте газетной статьи И. Аристова «Рогозин снова увидел Чубайса» используются элементы косвенной речевой агрессии. Её можно квалифицировать как несколько смягченную, при сопоставлении с прямой, и вследствие этого более приемлемую с точки зрения морали и этики в публицистическом тексте. Употребление соответствующих языковых элементов в данной публикации определяется: а) общей тематикой текста: тема – освещение и оценка мероприятия общественно-политического характера – форума, посвященного общественно значимому событию – реформе РАН; б) авторской позицией: И. Аристов дает негативную оценку соответствующему мероприятию, а также его организаторам и участникам; в) агитационной направленностью: с помощью ряда аргументов автор пытается привлечь внимание общественности к реформе РАН и убедить читателей согласиться с его резкой оценкой. Статья написана в ключе традиционного публицистического стиля, который, как известно, несмотря на свой книжный характер, имеет возможность в определенной степени сочетать книжные и разговорные (иногда и просторечные) элементы языка. В функции средств речевой агрессии данной статьи выступают, в основном, слабые инвективы: просторечные и жаргонные слова и выражения, а также единицы пейоративной лексики (газетные метафоры), реализующие преимущественно тактики колкости, насмешки и возмущения, тесно связанные с выражением ироничного отношения автора к сообщаемой информации. Следует учесть, что высказывания, содержащие в себе ироничный смысл, практически всегда обладают некоторым агрессивным потенциалом, хотя ирония помогает в определенной степени имплицировать негатив. На наш взгляд, автору публикации удалось достичь поставленной цели – выразить отрицательную оценку представленных событий, аргументировать её и практически убедить в ней адресата, и в этом определенную помощь ему оказали именно элементы косвенной речевой агрессии. Можно добавить, что в данной статье функция воздействия (прежде всего, эмоционально-психологического) на читателя, в реализации которой значительная роль отводится таким элементам, оказывается более существенной, более выраженной, чем информативная. Несмотря на использование в тексте сниженной и довольно грубой лексики в качестве элементов речевой агрессии, автору удалось сохранить книжный характер языка статьи в целом.

Возможность реализации в языке газеты средств речевой агрессии вызывает неоднозначную оценку со стороны читателей. Как известно, одни уверены в недопустимости использования подобных языковых средств в текстах, направленных на массовую читательскую аудиторию, другие относятся к такому языковому материалу с пониманием, так как видят в нём возможность «подчеркнуть» специфику авторского отношения к сообщаемой информации, в частности, показать степень своего возмущения кем- или чем-либо, неприятия каких-либо действий, событий и т.п. и при этом осуществить эмоционально-психологическое воздействие на читателей: несколько шокировав их несвойственными газете языковыми формами выражения, вызвать тем самым соответствующее (прежде всего негативное) отношение к информации, которое в перспективе может привести даже к каким-либо практическим действиям. Выраженная при помощи тактик речевой агрессии негативная оценка несёт в себе такой «отрицательный заряд», который на некоторое время как бы «задерживается» в сознании читателей и «заставляет» их более внимательно и критично взглянуть на соответствующие факты и оценки.

К сожалению, экономическая и общественно-политическая ситуации в нашей стране сегодня таковы, что доминирует именно негативное отношение населения ко многим реалиям современной действительности, поэтому реакция большинства читателей на употребление отрицательного материала в печатных СМИ для выражения соответствующих оценок, как правило, достаточно сдержанная и в ряде случаев даже позитивная. В связи с этим элементы речевой агрессии, особенно косвенной, на страницах отечественной прессы уже не выглядят слишком «чужеродными». Однако злоупотреблять ими, безусловно, не следует, поскольку тогда авторами публикаций могут оказаться нарушены стилистические принципы уместности и целесообразности, а также соответствующие морально-этические нормы, которые в современных СМИ должны быть неукоснительно соблюдены.

В заключение можно добавить, что в конечном итоге регулярное или периодическое употребление элементов речевой агрессии в публикациях какого-либо печатного издания оказывает существенное воздействие на формирование профессионального имиджа его журналистов, а также на его статус и место в рейтинге отечественных СМИ.

Список литературы

1. Власова Е. В. Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. 20 века): дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2005. 215 с.
2. **Континент Сибирь**. 2013. 22 ноября. С. 8.
3. Левичева Е. В. О периферийных специфических экспликаторах семантики потенциальности в языке газет // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (15). С. 82-85.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1988. 750 с.
5. **Русский язык и культура речи**: учебник для вузов / под ред. В. И. Максимова, А. В. Голубевой. М.: Юрайт; Юрайт-Издат, 2010. 358 с.
6. Седов К. Ф. Речевая агрессия в межличностном взаимодействии // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов: Изд-во ГУНЦ «Колледж», 2003. С. 196-212.
7. Сквиря В. К. Способы словообразования политической лексики в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (19). С. 165-168.
8. **Современный словарь иностранных слов**. М.: Рус. яз., 1993. 740 с.
9. Чернышова Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 296 с.
10. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия в школьной речевой среде: дисс. ... к. филол. н. М., 2001. 300 с.

ELEMENTS OF VERBAL AGGRESSION IN MODERN NEWSPAPER TEXT

Mistyuk Tat'yana Leonidovna, Ph. D. in Philology
Novosibirsk State Technical University
bakatuha@mail.ru

The article examines the content and functions of the currently relevant phenomenon of verbal aggression, clarifies linguistic means, by which it is realized in the printed media and characterizes certain lexical units used as the elements of verbal aggression in the text of the article of the newspaper – «Continent Siberia», provides a brief lexico-semantic and stylistic analysis of them.

Key words and phrases: verbal aggression; invective vocabulary; indirect verbal aggression; stinging remark; mockery; slang words; colloquial language.

УДК 821.161.1 (Карамзин Н. М.)

Филологические науки

В работе анализируются женские образы произведений альманаха Н. М. Карамзина «Аглая» как важнейшая составляющая просветительской программы издателя. Акцент делается на прозаических произведениях, в частности, сказках «Дремучий лес», «Илья Муромец», повестях «Остров Борнгольм» и «Сиерра-Морена».

Ключевые слова и фразы: проза XVIII века; сентиментализм; предромантизм; Н. М. Карамзин; альманах «Аглая»; женские образы.

Николайчук Дарья Григорьевна

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
brilliantheart@list.ru

**ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ КАК ЭЛЕМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ
Н. М. КАРАМЗИНА-ИЗДАТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АЛЬМАНАХА «АГЛАЯ»)[©]**

В 1794 и 1795 годах Н. М. Карамзин выпускает в свет две книги альманаха «Аглая» (*второе издание – 1796 года – прим. автора – Д. Н.*), в которых печатает лирические, прозаические и критические произведения, преимущественно собственного сочинения (исключая басню И. И. Дмитриева «Чиж» и стихотворение М. М. Хераскова «Разлука»). С точки зрения А. Р. Акчуриной, «тип моноальманаха является идеальным для самореализации писательского потенциала, так как при подготовке сборника издатель, редактор и автор в одном лице получал неограниченную свободу действий и имел возможность публиковать собственные произведения вне зависимости от предпочтений сторонних издателей» [2, с. 17].

В. С. Киселев в статье «Проблема универсального повествования в эстетике русского сентиментализма» характеризует сущность коммуникативной стратегии, осуществляемой поэтами-сентименталистами. Она направлена на «формирование универсальной личности с разветвленной системой культурных привычек» [4, с. 91], которое происходит путем влияния индивидуальной авторской личности на «чувства» и «разум» читателей. Влияние на «чувства» осуществляется посредством выбора автором «модели взаимоотношений субъекта с природой, другим человеком, обществом» [Там же]. Разуму отводится конечная роль обобщения, синтеза читательских